

О. Н. АДРИАНОВА, Л. Н. АДРИАНОВА

Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц

Уважаемые друзья и коллеги Варвары Павловны! Разрешите выразить вам нашу глубокую признательность за организацию этого научного заседания в память о Варваре Павловне и предложение выступить на нем с воспоминаниями.

Для нас с сестрой Варвара Павловна была не только любимой и любящей родственницей. В тяжелый период нашей жизни, когда мы остались одни, она помогла нам встать на ноги, морально поддерживала нас и приняла на себя все заботы о детях своего брата.

В послевоенные годы приезды Варвары Павловны в Москву всякий раз были для нас большими праздниками. В квартире на Чистых Прудах, где мы жили, собирались ее друзья — В. Д. Кузьмина, Н. К. Гудзий и многие другие, фамилии которых мы, к сожалению, не запомнили. Приходил и юный С. О. Шмидт — он советовался с Варварой Павловной по поводу выбора специальности. Эти люди наряду с обсуждением серьезных вопросов по своей работе много шутили, рассказывали интересные истории, вспоминали молодость. Надо сказать, что Варвара Павловна обладала добрым, но метким юмором и в своей основе была насмешливым человеком. Из этих встреч мы с сестрой вынесли много полезного и поучительного.

До конца жизни Варвара Павловна была для нас и наших близких старшим другом, к которому мы несли наши радости и печали. Благодарные воспоминания об этом всегда останутся с нами.

Однако на этом юбилейном заседании нам хочется вспомнить о другом: о Варваре Павловне рядом с Владимиром Николаевичем Перетцем, ее мужем, учителем и единомышленником. Оба они посвятили себя науке и ради науки многим жертвовали в жизни.

С самого начала работы Варвары Павловны в семинарии Владимир Николаевич увидел в ней будущего незаурядного ученого. У нас сохранились труды Владимира Николаевича, которые он дарил юной ученице со следующими надписями: «Моей лучшей надежде», «Дорогому другу и ученице в надежде увидеть со временем успехи, во много раз превышающие учителя», «Лучшему другу — с просьбой со временем, в будущем, усовершенствовать, продумав это слабое творение, и из разрозненных отрывков создать стройное целое».

Однако это была не снисходительность учителя к своей ученице. Наоборот, как рассказывала нам Варвара Павловна, из всех участников семинария именно к ней предъявлялись самые жесткие требования. Вообще Варвара Павловна не раз говорила, что жизнь всегда ставила перед ней трудные задачи.

В детстве ее отец, который был директором гимназии, требовал, чтобы его дети учились лучше всех. Варвара Павловна и ее два старших брата закончили гимназию с высшими оценками. Наш отец утверждал, что у Варвары Павловны были большие способности к точным наукам. В этом

он убедился, когда готовил ее к сдаче экзаменов по физике и математике за курс мужской гимназии, что было необходимо для сдачи экстерном экзаменов за курс университета. Это обстоятельство нашло свое отражение в ее работе. Говорят, что Варвара Павловна отличалась четкостью мышления и ясностью изложения.

После окончания гимназии Варвара Павловна уехала в Киев и вопреки воле отца поступила на Высшие женские курсы. На жизнь она зарабатывала, преподавая в гимназии. И в личной жизни она решала все самостоятельно, не считаясь с условностями.

Мы с сестрой впервые встретились с Варварой Павловной в 1924 г., когда она вместе с Владимиром Николаевичем приехала на летние каникулы к нам в подмосковный поселок «Электростанция», где отец работал директором электростанции. Владимир Николаевич только что перенес тяжелую болезнь, и мы были свидетелями того, как тетя самоотверженно выаживала его, никого к нему не подпуская и никому его не поручая.

Режим, назначенный врачами, она выдерживала с необыкновенной пунктуальностью. Нам вспоминается, как тетя заставляла его совершать пешие прогулки. Он в какой-то мере сопротивлялся и старался увильнуть, но она была тверда и сама ходила с ним, отмечая шишками количество сделанных по саду кругов. К концу лета ей удалось восстановить его здоровье.

Летом 1925 г. они вновь были у нас. Тогда Владимир Николаевич был относительно здоров и все время до обеда они работали, а вечером гуляли. Но это тоже была работа, так как во время прогулки обсуждалось сделанное утром.

В конце 20-х и начале 30-х гг. мы с родителями несколько раз бывали у Перетцев в Ленинграде на Надеждинской улице (ныне ул. Маяковского). Квартира была огромная и почти пустая. Только множество книг. Сбирать их начал еще в молодости Владимир Николаевич, а затем они продолжили пополнение библиотеки вместе с Варварой Павловной.

* Судьба этой библиотеки такова: наиболее ценную для специалистов часть книг Варвара Павловна еще при жизни передала в Сектор (ныне Отдел) древнерусской литературы Пушкинского Дома (имеется благодарность Сектора за полученный дар). После смерти Варвары Павловны часть книг из ее библиотеки также была передана в Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома, а часть была приобретена Отделом рукописей и старопечатных книг Новосибирской Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР. У Варвары Павловны сохранилась небольшая коллекция медного литья, которую собирал в молодости Владимир Николаевич. Эти вещи приобрели у нас художественный музей г. Архангельска и музей в Соловках.

Владимир Николаевич был человеком слабого здоровья, и вся тяжесть ухода за больным мужем лежала на Варваре Павловне, которая в это же время продолжала работать. Как говорила она сама, такое напряжение подорвало ее здоровье, и она слегла на два года. Однако все это время Варвара Павловна оставалась главой дома и вела посильную для нее работу.

В апреле 1934 г. на них обрушилась страшная беда. Владимир Николаевич был арестован и в июне того же года выслан в Саратов. Эта драма полностью прошла через наш дом, потому что следствие велось в Москве. Варвара Павловна непрерывно приезжала в Москву с передачами для Владимира Николаевича, со всякого рода ходатайствами и документами. Из нашего дома Владимир Николаевич уехал в Саратов, и через наш дом всегда проезжала Варвара Павловна, направляясь в Саратов.

У нас хранится копия рапорта Владимира Николаевича от июля 1934 г. на имя неперемного секретаря АН СССР академика В. И. Волгина. В этом рапорте он излагал предъявленное ему обвинение, ход следствия и доказывал абсурдность и чудовищность этого обвинения, с кото-

рым он категорически не согласился. Как он писал, за «согласие» ему обещалась свобода и возможность вернуться в Ленинград. Но он этого «согласия» не дал.

По ходатайству АН СССР Владимиру Николаевичу был обещан пересмотр дела, но после событий 1 декабря 1934 г. все было приостановлено. В декабре 1934 г. Владимир Николаевич был исключен из действительных членов АН СССР и АН УССР. У нас сохранились копии обращений Владимира Николаевича к Сталину, Калинин и Вышинскому, которые остались без ответа. Эти письма написаны с чувством большого достоинства и заботы истинного ученого не о своей личной судьбе, а о судьбе науки.

С момента переезда Владимира Николаевича в Саратов Варвара Павловна фактически жила на колесах. Любое свободное от работы время она проводила с ним. Тяжело больной и беспомощный Владимир Николаевич категорически отвергал даже мысль о переезде Варвары Павловны на постоянное жительство в Саратов. Он знал, что от этого пострадает дело.

Понятно, как тяжела морально и физически такая жизнь, но Варвара Павловна приезжала к мужу собранная и энергичная, для того чтобы поддержать его и вселить надежду. Вспоминается случай, когда она попала в железнодорожную катастрофу, — произошло крушение поезда между Ленинградом и Москвой на пути в Саратов. Мы считали, что она погибла, так как ни на одном поезде с ранеными ее не было. Приехала она с последним поездом вся в ушибах и царапинах, совершенно измученная. Однако в тот же вечер вновь уехала в Саратов. Там ее ждали, и там она была нужна!

Скончался Владимир Николаевич 24 сентября 1935 г. в полном одиночестве от «грудной жабы». Тетя приехать не успела. Хоронили его она и ее ученица и добрый друг Н. П. Колпакова (кстати, она же была около тети в последние часы ее жизни). Похоронен Владимир Николаевич на старом городском кладбище в Саратове. На его могиле скромный, но достойный памятник, за которым до сих пор имеется уход. Судьбе угодно было распорядиться так, что на этом же кладбище оказался позднее прах академика Н. И. Вавилова (место захоронения пока не установлено, при входе на кладбище АН СССР ему сейчас поставлен памятник).

Уход Владимира Николаевича был тяжелым ударом для Варвары Павловны, но, как она писала нам, приводя слова Владимира Николаевича, «чувство долга перед наукой выше личных эмоций», и поэтому надо вытереть слезы и сесть за работу.

После реабилитации Владимира Николаевича в 1957 г. и восстановления его в действительных членах обеих Академий целью жизни Варвары Павловны стала забота об издании его трудов. Когда была завершена эта работа, Варвара Павловна писала Н. К. Гудзию и нам, что теперь она спокойна, — она выполнила свой долг перед своим Учителем и перед наукой.

В заключение нам хочется рассказать о следующем: незадолго до смерти Варвара Павловна уничтожила свои архивные материалы личного характера, оставив нам только письмо Владимира Николаевича, написанное из Саратова в день 25-летия их совместной жизни. В этом по сути прощальном письме он вспоминает весь пройденный вместе путь, на котором Варвара Павловна была, как он пишет, его ангелом-хранителем. Она сохранила также документы и письма, так или иначе связанные с делом Владимира Николаевича в 1934 г.

Мы с сестрой считаем, что Варвара Павловна оставила эти документы не случайно. Она, по-видимому, надеялась, что наступит час, когда их можно будет передать в какой-либо официальный архив как свидетельство своего времени, рассказывающее о поведении ученого в критической для него ситуации. С просьбой об осуществлении этого намерения мы обращаемся в Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома.